

мни совпадает с древнеегипетским иероглифом, обозначавшим ту же воду (Hoefer, 1866, I, с. 38 и сл.). То же и в случае золота и серебра. Примечательны также иудейско-египетские и греко-египетские симбиозы в алхимической фразеологии: александрийской поры — объединение различных религиозных пантеонов: *Хонсу-Ях (Яхве), Тот-Ях, Осирис-Ях, Гор-Аполлон*. Чаще — пластическая слитность иного рода: объединение разных, но египетских божеств (*Амун-Ра*) (Аверинцев, 1971 б, с. 268). *Ричард Английский* (XIV в.) утверждает: *первая материя камня называется rebis, то есть вещь, получившая от природы двойное свойство, которое дает ей имя гермафродита* (ВСС, 2, с. 266—274). Алхимики объясняют, почему философы назвали словом *rebis* материю *благословенного камня*: оно составлено из латинских слов *res* и *bis*. А это означает назвать одну вещь два раза, желая найти две вещи, представляющие одно целое — союз *серы и ртути-Меркурия* (Пуассон, 1914—1915, № 4, с. 9).

Здесь, может быть, и находится ключик к разгадке алхимического символизма: одно в двух — два в одном; соитие — оборотничество; двоящееся единство — диполюсный цельный кусок магнита; *Гор-Аполлон — Солнце-золото*. Дихотомия без среднего члена — подвижные переливы верха и низа. Диполюый монстр.

В алхимической деятельности усматриваются две возможности символизации. Первая из них связана с идеей трансмутации типа *железо — золото*. Путь от *железа* к *золоту* есть *преображение*, томление по совершенству, обретаемому в чуде при помощи медиатора — *философского камня*. На этом пути символа как подобия нет. Но есть иное: овествление самого медиатора и его создателя — алхимика. И здесь символическое уподобление уместно: бог — адепт; адепт — *философский камень*; бог — *философский камень*. В этих парах — подобие, без страдательного томления по совершенству. Второй момент связан с уподоблением аналогичного, отличаемого лишь по одежке: окислы свинца — *львы*; *Солнце — золото, Луна — серебро, Марс — железо; философское яйцо — Вселенная*.

Если алхимические символы топологически перемещаемы, то чудо преобразования начинается и завершается в точке: в человеке — *средоточии земного и божьего градов*.

Алхимия — арена для эффектных цирковых приключений, должных иметь счастливый конец на земле. Христианство — это приключение духа, души. Скрытое от любопытных приключение, завершающееся лишь по смерти. Таинственность, герметизм алхимии и, напротив, открытость, всеприимчивость собственно христианского средневековья улавливают и это. Но лишь вкупе улавливают.

«*Изумрудная скрижаль*» *Гермеса Трисмегиста* — исходный герметический текст, полагающий алхимическое символотворчество. Речь о ней впереди. Но сейчас — лишь начальная сентенция этого текста: «*То, что внизу, подобно тому, что наверху...*» (ВСС, 1, с. 380) — и такой к ней комментарий: «У прямой нет тайны. Тайна заключена в сфере. А сфера